

Сборник рассказов

Деревня

Рассказы для юношества

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С23

С23 **Сборник рассказов**
Деревня: Рассказы для юношества / Сборник рассказов – М.: Книга по Требо-
ванию, 2026. – 502 с.

ISBN 978-5-518-09628-8

ISBN 978-5-518-09628-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мы любимъ читать описанія чужихъ, далекихъ земель; намъ любопытно знать, какъ живутъ тамъ люди, чѣмъ они занимаются, какія у нихъ жилища, какая одежда, чѣмъ они питаются? Мы готовы слушать рассказы обо всемъ этомъ по цѣлымъ часамъ, затаивъ дыханіе, не пропуская мимо ушей ни одного слова. Намъ хотѣлось бы знать до малѣйшихъ подробностей, что дѣлается тамъ, за морями, за горами. А знаемъ ли мы то, что ближе къ намъ? Знаемъ ли мы, какъ живутъ въ нашихъ русскихъ деревняхъ наши русскіе мужички?

Какъ ни странно это, а надобно признаться, что не только многіе городскіе жители, которые изъ города почти никуда не выѣзжали—развѣ только въ ближайшія окрестности, называемыя дачами, — но

даже многіе изъ молодыхъ деревенскихъ жителей, которые и родились и воспитываются въ деревнѣ, даже и они не знаютъ деревни и быта русскихъ мужичковъ, какъ имъ слѣдовало бы знать. Имъ часто случается проходить или проѣзжать въ экипажѣ мимо полей, случается видать и крестьянъ, работающихъ на полѣ, но они все таки не знаютъ, что и какъ растеть въ этихъ поляхъ, какъ они пашутся и засѣваются, какъ производятся разныя крестьянскія работы и какъ живутъ сами крестьяне. Имъ кажется, что имъ и не для чего это знать. Они думаютъ, что только то и занимательно, что происходитъ въ большихъ городахъ, да въ иностранныхъ земляхъ, о которыхъ они читаютъ въ книгахъ или слышатъ отъ старшихъ, а на то, что происходитъ каждую минуту передъ ихъ глазами, въ поляхъ, въ лѣсу, въ крестьянскихъ жилищахъ и смотрѣть не стоитъ. Имъ кажется, что это нужно знать только крестьянину, который съ дѣтства, не учится ничему болѣе кромѣ сельскихъ работъ, и который въ этихъ работахъ проводить всю

III

свою жизнь, а человѣку образованному или готовящемуся быть образованнымъ, человѣку, который учится и разнымъ наукамъ, и иностраннымъ языкамъ, зачѣмъ ему знать, какъ пахутся и засѣваются поля, какъ производятся разныя крестьянскія работы, какъ живутъ сами крестьяне? Ему вовсе не нужно и не любопытно это знать.

Вѣдь не только то любопытно, что далеко отъ насъ. Много занимательнаго и прекраснаго разсѣяно около насъ на каждомъ шагу, да мы часто проходимъ мимо, и не замѣчаемъ. Мы все думаемъ, что диковинки за морями, за горами, а ихъ можно встрѣтить вездѣ. Природа вездѣ природа; вездѣ она занимательна и разнообразна, на сѣверѣ какъ и на югѣ. Наша сѣверная природа не такъ богата и роскошна, какъ южная, но и въ ней есть своя особенная прелесть и занимательность, и въ ней происходятъ на каждомъ шагу разныя любопытныя явленія, и въ ней много чудесъ; нужно только замѣчать ихъ, а не проходить мимо съ разсѣяннымъ и скучающимъ видомъ, мечтая и вздыхая о томъ, что далеко.

Развѣ не хороши наши ровныя, широкія поля, разкидывающіяся въ иныхъ мѣстахъ на необозримое пространство, развѣ не хороши они, когда ярко зеленѣютъ въ нихъ молодые всходы хлѣбныхъ растений, или когда желтѣетъ и волнуется на нихъ высокая, густая, спѣлая рожь, а во ржи синѣютъ васильки, и кругомъ по межѣ пестрѣетъ множество другихъ цвѣтковъ? Развѣ не хороши наши свѣтлыя, веселыя березовыя рощицы съ бѣлыми стволами, съ яркою, кудрявою зеленью? Развѣ не хороши и наши темныя сосновые и еловые лѣса, которые тянутся иногда на горизонтѣ длинною, темною лентою, или разстилаются вдаль широкою синевою, какъ будто отдаленное море? Въ этой синевѣ лѣсовъ есть что то такое заманчивое, также какъ и въ синевѣ моря, что когда взглянешь на нее, то долго не можешь оторвать отъ нея глазъ, и раздумье нападетъ на душу...

Хорошо это все, когда видишь это издали, мимоходомъ или мимоѣздомъ, а когда остановишься среди этого широкаго поля да начнешь разсматривать все, что въ

немъ есть, и золотые колосья, и тонкія, прямыя соломинки, которыя ихъ поддерживаютъ, и цвѣтки, и травки, которые растутъ около, когда пойдешь бродить по этой березовой рощѣ, въ которой щелкаютъ соловьи и малиновки, или по этому темному бору, въ которомъ перекликаются кукушки и дятлы, и прыгаютъ проворныя бѣлки, когда начнешь разсматривать каждое дерево, каждый цвѣтокъ, который растеть передъ глазами, каждое насѣкомое, которое сидитъ притаившись подъ листкомъ, — тогда, тогда все это покажется такъ чудно—хорошо, что засмотришься, залюбуешься, забудешься, и долго, долго не захочется отъ всего этого оторваться, и сладко, весело станетъ на душѣ, и много хорошихъ мыслей придетъ въ голову. Тогда скажешь невольно: Господи! какъ хорошо на свѣтѣ! и какъ Ты все это мудро устроилъ!

Не вѣрьте тѣмъ, кто говоритъ, что въ нашей сѣверной природѣ нечѣмъ полюбоваться, что только тамъ на югѣ она и хороша, и разнообразна, и занимательна.

Не вѣрьте тѣмъ, кто вамъ скажетъ, что хороши только итальянскія виллы, да итальянскія померанцовыя рощи, а въ нашихъ русскихъ деревняхъ — скука и скука, и не на что смотрѣть, и нечего дѣлать. Не вѣрьте! Тотъ, кто такъ говоритъ, или никогда не жилъ въ деревнѣ, или если жилъ, то не умѣлъ смотрѣть хорошенько на то, что его окружало. Онъ не видѣлъ, онъ не замѣтилъ того, что дѣлалось каждую минуту передъ его глазами, и на открытомъ лугу, и въ полѣ, и въ лѣсу, между зелеными вѣтками деревьевъ, и на самыхъ этихъ вѣткахъ, и выше ихъ, и подъ ними, на землѣ. Онъ не видалъ, какъ раскрывались утромъ цвѣтки, какъ кивали они ему своими пышными головками, какъ шевелили они своими свѣжими листочками и какъ блестѣли на этихъ листочкахъ чистыя, прозрачныя капли росы, и какъ играли въ этихъ капляхъ разноцвѣтными искрами лучи солнышка, которое между тѣмъ все выше и выше поднималось въ небѣ. Онъ не засматривался, какъ бьетъ изъ земли бѣлой пѣной ключъ-род-

никъ, какъ разсыпается брызгами по камнямъ, и какъ пробирается потомъ узкимъ ручейкомъ по желтому песочку между кустами и деревьями, между цвѣтками, которые стоятъ надъ нимъ нагнувшись, будто смотрятся въ воду. Онъ не припадалъ къ землѣ, чтобы разсматривать мелкія травки, и всходышки хлѣбныхъ растеній, и насѣкомыхъ, которые по нимъ ползають; онъ не заглядывалъ пытливымъ взглядомъ въ едва раскрывающуюся чашечку цвѣтка, чтобы подсмотрѣть, что дѣлается тамъ внутри, подъ покровомъ зеленыхъ листочковъ и нѣжныхъ лепестковъ. Онъ не слыхалъ, какъ шумѣли колосья на нивѣ, когда волновалъ ихъ вѣтеръ; онъ не понялъ, что рассказывали ему эти колосья о чудесахъ природы, о благодати и мудрости Божіей.

Но вѣдь въ деревнѣ не одна природа; есть и люди. Полные, тяжеловѣсные колосья, шумящіе отъ вѣтру, рассказываютъ не только о чудесахъ природы и благодати Божіей: они рассказываютъ и о трудѣ человѣческомъ.

Вотъ чернѣютъ въ концѣ поля за изгородью, которою оно обнесено, бревенчатыя стѣны и тесовыя и соломенные крыши крестьянскихъ жилищъ. Не многіе изъ этихъ бревенчатыхъ домиковъ, или избъ, какъ ихъ называютъ, красивы на видъ: иные ветхи, малы, построены кое-какъ, покосились на бокъ. Но неужели вы думаете, что въ этихъ тѣсныхъ стѣнахъ, подъ этими низкими крышами не происходитъ ничего хорошаго и занимательнаго, ничего такого, на что стоитъ посмотрѣть всякому, что можно и полюбить отъ души, когда увидишь? Если вы такъ думаете, вы очень ошибаетесь. Но нѣтъ, вы этого не думаете. Если вы слушаете съ такою жадностью рассказы о жизни какого нибудь дикаря Ирокеза, какого нибудь Тунгуса или Каффра, то какъ же можетъ быть, чтобъ вамъ не казалось любопытно узнать житье-бытье русскаго мужичка, который кромѣ того, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ несравненно лучше и умнѣе какого нибудь дикаря Ирокеза или Каффра, что онъ равенъ намъ по уму и способностямъ еще

кромѣ того нашъ соотечественникъ, родной намъ по вѣрѣ и по языку?

Вѣдь наше отечество не только тотъ городъ, въ которомъ мы живемъ: Петербургъ, Москва, Тверь, Новгородъ, Ярославль или Тула. Русскія села и деревни тоже наше отечество, русскіе мужички тоже наши земляки. И мало того, что они наши земляки: они наши кормильцы. Мы каждый день ѣдимъ тотъ хлѣбъ, который они добываютъ изъ земли, въ потѣ лица; ихъ трудомъ мы сыты, ихъ трудомъ богато наше государство.

Въ Россіи городовъ гораздо меньше, чѣмъ селъ и деревень; горожанъ меньше, чѣмъ сельскихъ жителей — крестьянъ и помѣщиковъ: безъ деревень не могли бы существовать и города; безъ сельскихъ жителей — нечѣмъ было бы кормиться горожанамъ.

А что въ жизни русскихъ мужичковъ для васъ много незнакомаго, много такого, чего вы не увидите въ жизни горожанъ или людей образованнаго сословія, такъ объ этомъ и говорить нечего.

И не только жизнь крестьянъ, даже жизнь многихъ помѣщиковъ, которые постоянно живутъ въ деревнѣ и сами хозяйничаютъ въ своихъ помѣстьяхъ, даже и ихъ жизнь, ихъ занятія во многомъ отличаются отъ жизни и занятій горожанъ. И въ ихъ жизни найдется кое-что особенное, свое, чего нѣтъ въ жизни городскихъ жителей. А въ жизни крестьянъ, этого особеннаго еще больше. Жизнь русскихъ крестьянъ землепашцевъ многимъ отличается, и отъ жизни горожанъ, и отъ жизни помѣщиковъ. Это совсѣмъ особенная жизнь, съ особенными занятіями, особенными обычаями. И говоритъ русскій мужичекъ, хотъ тѣмъ же русскимъ языкомъ, какъ и мы, да не совсѣмъ такъ: иногда образованный горожанинъ не пойметъ мужичка, иногда мужичекъ не пойметъ горожанина, хотъ оба говорятъ по русски. И одѣваются крестьяне и крестьянки не такъ, какъ мы, и жилища у нихъ не такъ устроены, и привычки у нихъ инныя, чѣмъ у насъ.

А между тѣмъ, не смотря на это, мы